

ВЛИЯЮТ ЛИ НА РОДИТЕЛЬСКУЮ САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗНОГЛАСИЯ С РОДСТВЕННИКАМИ ПО ПОВОДУ ПРАВИЛ ВОСПИТАНИЯ И УХОДА ЗА РЕБЕНКОМ?*

Родительская самооффективность, или самооценка своей компетентности в роли родителя и удовлетворенность этой ролью, в исследованиях признается важным фактором, влияющим на «качество» родительских практик и развитие детей. В данной работе мы фокусируемся на изучении факторов, связанных с уровнем родительской самооффективности матерей, на материалах онлайн-опроса 670 матерей детей-дошкольников и 50 интервью с матерями дошкольников. Особенности современного материнства (представления о том, что развитие ребенка зависит в первую очередь от матери, что воспитывать детей нужно с опорой на современное научное знание, и осознание риска — множества опасностей, которые могут случиться с ребенком) позволяют предположить, что один из таких факторов — это наличие разногласий по поводу правил воспитания и ухода за детьми с людьми, которые помогают матери в воспитании ребенка. Основной вопрос этой статьи — есть ли связь между наличием разногласий и родительской самооффективностью матери? По данным опроса, разногласия с помощниками нередки (20 % матерей отмечают, что родные и друзья критикуют их за то, как они воспитывают и ухаживают за ребенком, 30 % — что им сложно договориться с родственниками о правилах воспитания и ухода за ребенком). Доля отметивших наличие разногласий выше среди неработающих

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. Мы искренне благодарим всех участников исследования, не пожалевших своих времени и усилий, — всех, кто согласился дать интервью и ответить на вопросы анкеты. Также мы признательны всем модераторам родительских онлайн-сообществ, согласившимся разместить ссылку на опрос. Большое спасибо всему дружному коллективу группы «Исследования современного детства» Института образования НИУ ВШЭ, а также Андрею Захарову и Марии Васильчук за поддержку и содержательные обсуждения и комментарии.

Козьмина Яна Яковлевна — младший научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (kozmina@gmail.com).

Kozmina Yana — researcher, Institute of Education, Higher School of Economics, Moscow (kozmina@gmail.com).

Сивак Елизавета Викторовна — младший научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (elizaveta.sivak@gmail.com).

Sivak Elizaveta — researcher, Institute of Education, Higher School of Economics, Moscow (elizaveta.sivak@gmail.com).

матерей и среди сторонников какой-либо научно-популярной теории воспитания. Наш анализ показывает, что разногласия негативно влияют на уверенность в своих родительских компетенциях и удовлетворенность ролью матери.

Ключевые слова: *родительская самооффективность, интенсивное материнство, социальная поддержка, межпоколенческие взаимодействия, прародительство.*

Введение

В 1970-е годы была выдвинута гипотеза о том, что не только родительские компетенции, но и родительская самооффективность, иначе говоря самооценка своих компетенций как родителя и удовлетворенность этой ролью, влияет на развитие детей. Были найдены эмпирические подтверждения, что она влияет на поведение родителей, например на частоту «позитивных родительских практик»* (Coleman, Karraker 2003). Также были обнаружены свидетельства того, что родительская самооффективность влияет и на поведение и развитие детей (Ibid.).

Открытие важности родительской самооффективности привело к вопросу о том, от чего она зависит. А. Бандура, автор термина «самооффективность», предполагал, что на самооффективность влияют в первую очередь собственный опыт решения каких-либо задач, наблюдение за чужим опытом, отклики окружающих о действиях и собственная эмоциональная реакция на трудности (Bandura 1977). Успешный или неуспешный опыт, критика или похвала окружающих, собственные эмоции — Бандура предполагал, что на основе этих данных человек корректирует представление о своих возможностях в той или иной области.

Некоторые из этих теоретических положений были проверены эмпирически в отношении родительской самооффективности: было обнаружено положительное влияние на нее опыта ухода за ребенком, предшествовавшего рождению своего ребенка (Gross и др. 1989), похвалы действий родителей (Brodsky, DeVet 2000) и др.** В ряде исследований была выявлена положительная связь общей социальной поддержки родителей и уровня родительской самооффективности (Crnic и др. 2014; MacPhee et al. 1996). В этих работах изучалось влияние на самооффективность размера социальной сети родителей, частоты контактов, удовлетворенности отношениями с партнером и прочее, т.е. общая социальная поддержка, а не поддержка с ребенком.

Тем не менее нам не удалось обнаружить исследований, в которых бы тестировалось предположение о влиянии **критики** на родительскую самооффективность. Между тем особенности современного родительства позволяют предположить, что на родительскую самооффективность может влиять не только

* Чуткость, отзывчивость, стимулирующее и некарательное воспитание и др.

** Помимо этого на родительскую самооффективность негативно влияет депрессия и «сложный» темперамент ребенка (Teti, Gelfand 1991), а положительно — «реальные» компетенции родителей (Coleman, Karraker 2003).

критика как негативный отклик на действия родителей со стороны окружающих, но и разногласия по поводу правил воспитания детей.

Особенности современного родительства (в первую очередь материнства) начали проявляться с 1970-х годов (Lee et al. 2014). Во-первых, это распространение представлений о том, что в первую очередь от родителей зависит то, как себя ведет ребенок, как он развивается («родитель как Бог» (Füredi 2001) или «parental determinism» (Lee et al. 2014). Во-вторых, представлений о том, что все, что с ребенком происходит в раннем возрасте, включая повседневные действия, такие как способ кормления и т.д., исключительно важно для всей его будущей жизни (Lee 2008). В-третьих, повышенная тревога родителей: беспокойство об огромном числе опасностей для детей, которых нужно избежать. В работе (Füredi 2001) эта особенность обозначена термином «paranoid parenting».

В одной из ключевых книг в области исследований современного родительства — «Культурные противоречия материнства» (Hays 1998) — для описания этих представлений автор вводит термин «интенсивное материнство». Интенсивное материнство предполагает в качестве предпочтительных методов воспитания «детоцентричные, направляемые экспертами, эмоционально поглощающие, трудоемкие и финансово затратные» (Ibid.). Было зафиксировано появление таких особенностей и в исследованиях современного российского родительства: «Максимально возможное эмоциональное, когнитивное и физическое развитие ребенка становится для матери приоритетной сферой ее персональных интересов и креативности. При этом материнство не рассматривается исключительно в качестве естественной сущности женщины, а предполагает приобретение сложных и специализированных знаний, навыков и умений» (Шпаковская, Чернова 2013).

Эти представления поддерживаются экспертами и политиками: «То, что раньше считалось банальной, неважной и частной рутинной повседневной жизни семей и детей, стало предметом интенсивных дебатов об эффектах, которые родительские действия оказывают на новое поколение и общество в целом» (Lee, Macvarish, Bristow 2010). Теперь родителям предписывается ответственность за решение множества вопросов, связанных с ребенком. От родителей ожидается, что в решении этих вопросов нужно руководствоваться современными научными знаниями о психологии, медицине и т.п. (scientific mothering (Apple 1995)). Родителям все настойчивее предьявляются различного рода советы, стандарты и медицинские рекомендации (Füredi 2001; Lee 2008; Забаев 2011; Майофис, Кукулин 2010). В экспертно-центричной родительской культуре считается, что родители могут навредить ребенку не только, если они «плохие» родители, но и если они «неосведомленные» родители (Lee et al. 2014). При этом экспертное мнение зачастую противоречиво и не подкреплено научным знанием*.

* Например, популярная литература про воспитание детей часто апеллирует к «фактам» об особенностях развития мозга: что возраст до трех лет — это особенно важный период, и в это время необходимо создавать для ребенка стимулирующую и развивающую среду, что родительские практики гораздо сильнее воздействуют на ребенка по сравнению со всеми другими источниками влияния и др. При этом в нейронауке этому пока нет достоверных подтверждений (Macvarish 2014).

Эти особенности приводят к тому, что родители чувствуют ответственность в том числе и за то, как с ребенком ведут себя их помощники. При этом очевидно, что современное родительство с трудом втискивается в прокрустово ложе модели «современного взрослого человека» — автономную единицу, представляющую собой эксперта и менеджера по заботе о себе и своих детях, которой помощники не требуются (Hunt 2009). Пытаясь совмещать воспитание детей с работой, родители рассчитывают на помощь родственников*, нянь, профессионалов (логопедов, психологов и др.), детские сады, даже если не удовлетворены этой помощью. Представления о правилах воспитания и ухода за ребенком и в целом правила взаимодействия с ним могут расходиться. Помощники не всегда готовы следовать тем правилам взаимодействия с ребенком, которых придерживаются родители. Особенно острой проблема может быть именно в случае бабушек и дедушек ребенка, а не наемных помощников. В советское время бабушки играли не только «роль воспитателей внуков, но и роли ретрансляторов семейной культуры и собственного культурного статуса» (Семенова 1996). Теперь взгляды бабушек и дедушек и опыт из собственного детства могут отвергаться родителями как «устаревшие».

Даже если прародители придерживаются принципа «невмешательства» в родительские практики своих взрослых детей, иногда чувство ответственности за внуков, большой опыт и представления о последствиях родительских практик подталкивают их к вмешательству (Mason, May, Clarke 2007). Подобные разногласия по поводу правил или слишком сильное с точки зрения родителей «вмешательство» родственников могут приводить к отказу от их помощи в пользу наемных работников (Sun 2012).

Резюмируя, можно сказать, что родители полагаются на помощь в воспитании детей, но требования со стороны родителей к этой помощи растут. Мы предполагаем, что, если между родителями и другими людьми, участвующими в жизни ребенка, не произошло взаимной «подстройки» правил, касающихся того, что, как и зачем нужно делать с ребенком, может возникнуть парадоксальная ситуация — когда участие других в помощи с ребенком может осложнять, а не облегчать жизнь родителей, снижать уверенность родителей в собственных силах и удовлетворенность ролью родителя. В статье мы рассмотрим вопрос о том, как на родительскую самоэффективность матерей влияет наличие разногласий с родственниками и знакомыми о правилах воспитания и ухода за ребенком.

Методология

Нами были сформулированы следующие гипотезы:

- 1) родительская самоэффективность тем ниже, чем сильнее выражены разногласия по поводу правил воспитания и ухода за ребенком;
- 2) разногласия по поводу правил воспитания и ухода за ребенком сильнее влияют на самоэффективность матерей, приверженных какой-либо научно-популярной теории (или теориям) воспитания, так как в этом случае, вероятно,

* По результатам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» около 20 % родителей получают от прародителей помощь в работе по дому и уходу за маленькими детьми (Синявская, Гладникова 2007).

матери сложнее отказаться от каких-либо правил или пойти на компромисс и сильнее реакция на неготовность окружающих следовать этим правилам.

Эмпирической базой для исследования послужили данные онлайн-опроса женщин, имеющих хотя бы одного ребенка 1–7 лет.

Объект исследования

Хотя исследования фиксируют постепенный отход от традиционного распределения ролей в семье (мужчина как добытчик, женщина как домохозяйка), установки и вовлеченность мужчин и женщин в домашние дела и воспитание детей все еще сильно различаются. Поэтому от помощи родственников или других помощников в первую очередь зависит мать. Кроме этого описанные выше особенности современного родительства в наибольшей степени касаются женщин (Shirani, Henwood, Coltart 2011). Наличие или отсутствие разногласий по поводу правил, скорее всего, также в первую очередь сказывается на матерях. Поэтому к опросу мы приглашали женщин с детьми.

Мы сузили изучаемую нами группу до женщин, которые живут в городах и состоят в онлайн-сообществах матерей, так как нас интересовали люди, которые, имея доступ к большому набору источников знаний о родительстве (специальной литературе, разнообразным мнениям, в том числе экспертным и др.), выстраивают свой подход к родительству, а не только следуют традиции, советам ближайшего окружения и др.

Мы ограничили возраст ребенка, о котором мы спрашиваем в анкете, дошкольным (от 1 до 7 лет), так как консенсус по поводу правил взаимодействия с ребенком важнее всего, вероятно, именно в отношении маленьких детей — из-за веры в исключительную важность раннего возраста и необходимости в существенном вкладе сил в присмотр и уход за ребенком в этот период.

Выборка и метод сбора данных

В статье используются два источника данных. Мы провели онлайн-опрос участниц различных материнских интернет-сообществ и форумов, предполагая, что «охват» онлайн-сообществами матерей в России высок — 78 % домохозяйств, имеющих хотя бы одного ребенка, по данным Росстата в 2012 г., имели доступ к Интернету, при этом в самых бедных домашних хозяйствах (по 10-процентным группам по доходу обследуемого населения) за период 2010–2012 гг. увеличился доступ к Интернету с 26 % до 47 % (Индикаторы информационного общества 2014). Поэтому мы предполагаем, что женщины, которые хотя бы в минимальной степени приобщены к онлайн-сообществам о материнстве, составляют далеко не маргинальную группу, особенно среди городского населения*.

Как мы и предполагали, наша выборка, как «выборка добровольцев», смещена по ряду показателей в сторону более «благополучных» женщин (высокий уровень образования, большая доля замужних, высокое материальное положение).

* Например, на самом известном форуме родителей Санкт-Петербурга на 13 апреля 2015 г. состоялось около 285 тыс. человек, при этом женское население Санкт-Петербурга в возрасте от 20 до 44 лет составляло в 2010 г., по данным переписи населения, около 900 тыс. человек.

ние) (табл. 1). Доля замужних и имеющих высшее образование женщин в нашей выборке существенно выше, чем в среднем у женщин, живущих в городах России, в тех же возрастных группах (по данным переписи населения 2010 г.): 91 % против 38 % имеют высшее образование, 94 % против 62 % состоят в браке, в том числе незарегистрированном.

Таким образом, с учетом изначальных ограничений объекта исследования и ограничений, которые накладывает дизайн выборки, изучаемая совокупность сужается до женщин в возрасте 20–44 лет со следующими характеристиками: 1) есть ребенок-дошкольник, 2) живут в городах, 3) участвуют в жизни онлайн-сообществ (как минимум состоят в них, просматривают сообщения), 4) замужем, 5) имеют высшее образование, 6) достаточно материально обеспечены (63 % опрошенных выбрали 6 или 7 по 7-балльной шкале материального положения, табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на социально-демографические вопросы

	Доля/среднее
Число детей:	
Один	63%
Два	30%
Три или больше	7%
Состоят в браке, в т.ч. незарегистрированном	94%
Возраст матери	32 (4,8)*
Проживание в большом городе (1 млн. жителей или выше)	79%
Есть более старшие дети, чем тот, про которого женщина отвечает в анкете	27%
Есть высшее образование	91%
Материальное положение:	
Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания / На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать / На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	14%
На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т.п. представляет трудности	23%
Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги	50%
Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля	13%

* В скобках указано стандартное отклонение.

Приглашение к участию и ссылка на онлайн-анкету размещались на русскоязычных форумах и в сообществах о материнстве. Разместить объявления об опросе согласились 17 сообществ и форумов на платформах livejournal.com (47 % опрошенных увидели ссылку там), babyblog.ru (14 %), facebook.com (9 %), на форуме сайта littleone.ru (15 %) и на других региональных форумах родителей (5 %), 10 % увидели ссылку в социальных сетях у знакомых или им прислали ссылку.

Онлайн-опрос матерей проводился в мае-июне 2014 г. Всего в опросе участвовали 806 человек. В анализ данных были включены только женщины, живущие в больших и малых городах России (670 человек), исключены проживающие в других странах (126 чел.) и в российских селах (10 чел.).

Также мы использовали интервью с матерями дошкольников, проведенные нами в 2014–2015 гг. Основными темами интервью были представления о воспитании детей, трудностях материнства, взаимодействие с родственниками и другими людьми, участвующими в воспитании ребенка. Всего мы провели 50 интервью средней продолжительностью 1,5 часа. Приглашения к участию в интервью мы размещали в сообществах родителей в социальных сетях.

Описание переменных*

Как зависимую переменную мы выбрали общую родительскую самоэффективность.

Оценка родительской самоэффективности (ОРС) измерялась с использованием сокращенной версии шкалы Parental sense of competence scale (PSOC) (Johnston, Mash 1989). Эта широко используемая шкала состоит из 17 утверждений, согласие с которыми предлагается оценить от 1 до 7 (1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен), и разбивается на две подшкалы — удовлетворенность материнством (пример утверждений — «Хотя материнство может приносить радость, в настоящий момент, пока мой ребенок в его/ее нынешнем возрасте, я чувствую себя очень уставшей и подавленной») и общая оценка своих компетенций как матери (пример утверждений — «Если ответ на вопрос, что беспокоит моего ребенка, можно найти, я его найду»). Мы перевели утверждения на русский язык, отобрали 7 утверждений и добавили 3 утверждения, сформулированных нами на основе интервью с матерями. Внутренняя согласованность шкалы высокая — альфа Кронбаха 0,74. Для анализа был построен индекс — средняя оценка по всем утверждениям. Средняя оценка женщинами ОРС в нашей выборке высока — 5,6 из 7.

Для проверки наших гипотез о влиянии помощи и разногласий мы проверили взаимосвязь ОРС и следующих предикторов.

Выраженность разногласий по поводу правил воспитания и ухода за ребенком. Для оценки мы использовали три утверждения (с той же 7-балльной шкалой от 1 — полностью не согласен до 7 — полностью согласен), сформулированных нами на основе проведенных тематических интервью: «Мне бывает сложно договориться с родственниками, с которыми мой ребенок проводит время, о правилах воспитания и/или ухода за ребенком», «Мне приходится ограничивать время, которое ребенок проводит с родственниками, из-за неко-

* Вся анкета целиком доступна для просмотра по ссылке <http://goo.gl/cYySWJ>

торых разногласий по поводу воспитания и/или ухода за ребенком» и «Мои родные и друзья критикуют меня за то, как я воспитываю и ухаживаю за своим ребенком». Мы строили индекс — среднее по двум утверждениям. Альфа Кронбаха для этой шкалы — 0,71.

Поддержка матери окружением (общая социальная поддержка, а не только помощь с ребенком) со стороны ее семьи и друзей оценивалась с помощью вопросов, разработанных в рамках социологического исследования семей в Италии «Семья — ресурс общества» (Donati 2012), (пример утверждения — «В основном в моей семье люди чувствуют, что должны помогать друг другу вместо того, чтобы предъявлять требования и претензии»). Также мы использовали несколько утверждений шкалы восприятия социальной поддержки (The Multidimensional scale of perceived social support), например, «Моя семья действительно старается помогать и поддерживать меня». Далее мы построили индекс — средняя оценка всех утверждений. Альфа Кронбаха для этой шкалы — 0,77.

Помощь с ребенком мы оценивали по переменным: 1) живет ли в квартире/доме вместе с матерью и ребенком кто-то еще, кроме мужа и других детей, 2) насколько сильно эти люди помогают с ребенком (шкала от 0 — совсем не помогают до 4 — помогают очень сильно; мы подсчитывали число тех, кто помогает с ребенком очень сильно), 3) есть ли помогающие с ребенком родственники, живущие недалеко (менее трех часов езды в одну сторону), 4) есть ли помогающие с ребенком родственники, живущие далеко (более трех часов езды в одну сторону), 5) пользуется ли мать услугами няни или бебиситтера.

Также для контроля мы учитывали влияние следующих факторов:

Темперамент ребенка (или субъективное восприятие матерью «сложности» ребенка или сложности обращения с ним) мы оценивали с помощью трех вопросов, сформулированных на основе шкалы детского темперамента, разработанной Джеймсом Кэмероном*. Это вопросы об интенсивности реакций ребенка, о толерантности к фрустрации («Насколько легко Ваш ребенок расстраивается из-за ограничения его/ее действий?») и о легкости, с которой ребенка можно успокоить. Ответить на эти вопросы нужно было по пятибалльной шкале. Мы не строили индекс на основе этих трех переменных из-за низкой согласованности ответов на эти вопросы и включали в анализ эти переменные по отдельности.

Здоровье ребенка: субъективная оценка матерью здоровья ребенка по 5-балльной шкале, от «очень хорошего» до «очень плохого».

Депрессия. С помощью шкалы The Patient Health Questionnaire (PHQ-2) мы измеряли частоту проявления двух симптомов депрессии — депрессивных настроений и ангедонии**. PHQ-2 используется только для выявления признаков депрессии, не для постановки диагноза.

Есть ли старшие дети (по отношению к ребенку, о котором отвечает женщина в анкете) — эту переменную мы использовали для оценки имеющегося опыта обращения с детьми.

* http://www.symbiosf.com/www.symbiosf.com/fees_%26_forms.html

** «Психическое состояние, которое характеризуется общим отсутствием интереса к жизни, утратой способности наслаждаться, радоваться» (Зинченко, Мещеряков 2005).

Число книг про воспитание детей мы использовали для оценки стремления матери расширить свои родительские компетенции.

Приверженность научно-популярной теории воспитания. Мы предполагаем, что приблизительно оценить этот параметр можно на основе ответа на открытый вопрос «Есть ли какая-либо книга, которая повлияла на Вас как на родителя». Чуть больше половины респондентов (52 %) указали как минимум одну книгу или автора*.

Социально-демографические характеристики: возраст матери, возраст ребенка, оценка материального положения, место проживания (большой город или нет), наличие высшего образования**, читает ли респондент какие-либо тексты на иностранном языке.

Таблица 2

**Описательные статистики переменных, включенных в анализ
(кроме социально-демографических)**

Переменная	Доля/среднее
Общая родительская самооффективность (2–7)***	5,6 (0,9)
Разногласия по поводу правил (индекс) (1–7)	2,8 (1,7)
Общая социальная поддержка (1,5–7)	5,4 (1,2)
Насколько легко ребенок расстраивается из-за ограничения его/ее действий (1–5)	2,6 (1)
Сколько дома книг для родителей про детей и отношения с ними (оценка по 7-балльной шкале; 1–7)	2,9 (1)
Сколько книг у дома (не считая журналов, газет или детских книг) (оценка по 7-балльной шкале; 1–7)	5,1 (2)
Число человек, которые помогают с ребенком очень сильно (их помощь оценена на 4 по шкале от 0 до 4) (1–8)	1,4 (0,8)
Депрессия (0–3)	0,7 (0,7)
Живет кто-то кроме мужа (не считая других детей)	26%
Есть помогающие родственники, живущие недалеко	44%
Есть помогающие родственники, живущие далеко	14%
Есть няня или бебиситтер	13%
Хорошее/очень хорошее здоровье	81%
Среднее здоровье, не хорошее, но и неплохое	18%

* Мы не учитывали художественные или религиозные произведения.

** Переменная о наличии высшего образования у матери не была в итоге включена в модель, так как у 91 % респондентов в нашей выборке оно есть.

*** В скобках в этом столбце указано максимальное и минимальное значение, которые переменная принимает в нашей выборке.

Плохое/очень плохое здоровье	2%
Есть более старшие дети, чем тот, про которого отвечает	27%
Возраст ребенка, про которого отвечает; лет:	
1	14%
2	33%
3	21%
4	15%
5–7	16%
Читает ли тексты на иностранном языке	46%

РЕЗУЛЬТАТЫ

Распространенность разногласий

У нас есть бабушки и дедушки со всех сторон, но как раз решение о том, чтобы найти няню, несколько лет назад было основано на том, что с бабушками и дедушками <...> их помощь нельзя использовать. Потому что возникает очень много конфликтов на тему системы воспитания <...> Я хотела сохранить работу, мы решили нанять няню, потому что от няни можно потребовать проводить собственную политику в отношении детей (многодетная мама, 37 лет, детям от 5 до 11 лет; Санкт-Петербурге).

В нашей выборке немало матерей, которые отметили наличие разногласий по поводу правил воспитания и ухода за ребенком: каждая пятая согласилась с тем, что родные и друзья критикуют ее за то, как она воспитывает ребенка и ухаживает за ним, каждая третья отметила, что ей бывает сложно договориться с родственниками, с которыми ребенок проводит время, о правилах воспитания и ухода за ребенком. Четверть мам отметили, что им приходится ограничивать время, которое ребенок проводит с родственниками, из-за разногласий по поводу правил воспитания и ухода за ребенком.

Мы обнаружили статистически значимую, но слабую связь между наличием разногласий и выраженностью признаков депрессии (коэффициент корреляции 0,19). Наличие разногласий не зависит от возраста матери или ребенка, наличия у ребенка старших братьев или сестер и от общего количества детей у матери. Таким образом, нельзя сказать, что разногласия — это только проявления неопытности матери или ее подавленного настроения. Далее мы рассмотрим, что влияет на наличие или отсутствие разногласий.

Во-первых, относительно ниже выраженность разногласий у работающих матерей, индекс в этой группе равен 2,5 из 7, а в группе неработающих матерей — 3 (различия статистически значимы). Можно предположить, что, с одной стороны, работающие матери сильнее нуждаются в помощи, поэтому стараются меньше обращать внимание на то, что помощники по-другому ведут себя

с ребенком, руководствуются другими методами или договариваются с ними. С другой стороны, вероятно, наличие работы у женщины значимо влияет на ее самовосприятие и на семейные отношения и может восприниматься как источник независимости, обладая которым можно иначе строить отношения с окружающими:

«Потому что даже сейчас, когда вроде как я зарабатывающая и работающая единица, <...> то я чувствую себя как-то более на месте <...> потому что у нас <...> партнерские нормальные отношения <...> и мы даже, если ссоримся, то, по моим ощущениям, конструктивно. А эти три года были... Я не знаю, я сама, что ли, себя поставила в такое положение, то ли эта финансовая зависимость ставит в положение такого вот безропотного, молчащего человека, который начинает юлить, хитрить, потом вскрываться и кричать, потому что это не соответствует настоящей натуре» (34 года, один ребенок, 4 года; Москва).

Во-вторых, у матерей, которые придерживаются той или иной научно-популярной теории воспитания, разногласия с окружением по поводу правил выражены сильнее (значения индекса — 3 против 2,6 среди тех, кто не отметил ни одной книги, повлиявшей на них как на родителя*). Среди них в 1,5 раза больше тех, кто отметил, что их критикуют родные и друзья за то, как они воспитывают своего ребенка и ухаживают за ним.

Почему разногласия по поводу воспитания ребенка в этой группе выражены сильнее? Возможно, потому что правила воспитания, предлагаемые современными теориями воспитания, отличаются от тех, которых придерживаются прародители, и основаны на других принципах. Также в интервью матери отмечали, что одним из мотивов к знакомству с психологической литературой по воспитанию было желание воспитывать ребенка иначе, чем их собственные родители:

«У меня есть свой опыт и свое небольшое мнение, т.е., когда я сталкиваюсь с таким поведением близких мне людей, моих родителей, это негативно сказывалось на моей самооценке и способности справляться с разными ситуациями, в том числе с травмирующими переживаниями <...> Я считаю, что если бы мои родители могли мне помочь и показать, что они могут с такими ситуациями справиться, и справиться эффективно, без приемов унижения, панического ужаса, пристыживания, отвращения, самобичевания, жалости к себе огромной и многих-многих других, то тогда я могла бы эффективней использовать многие годы своей жизни, которые я потратила на разбор этих завалов <...> И поэтому я хочу, чтобы лишней, ненужной нагрузки у моего ребенка не было по возможности» (35 лет, один ребенок, 3 года; Москва).

Но серьезную роль могут играть сообщества, в которые объединяются родители, придерживающиеся научно-популярных теорий воспитания. В нашем опросе большая часть матерей (54%), которые отметили одну или несколько повлиявших на них книг про воспитание, подписаны на онлайн-сообщества (увидели там ссылку на опрос), посвященные какому-либо подходу к воспитанию.

* Различия статистически значимы.

Эти сообщества, которые иногда называют «родительскими лагерями» или «племенами» (parenting camps/tribes (Faircloth 2014a) поддерживают идентичность родителей как сторонников той или иной теории воспитания (Faircloth 2014b), проводят и поддерживают границу между «своими» и «чужими», «правильными» и «неправильными» методами воспитания. В терминах теории «разметки/группы» (grid/group) Мэри Дуглас, такие сообщества — это тесная гомогенная социальная группа с сильными границами. Эти люди видят мир схожим образом и боятся «загрязнения» от внешних людей (Oldroyd 1986). Это может объяснять более высокую вероятность наличия разногласий с окружающими у матерей, которые придерживаются научно-популярной теории воспитания детей.

Связь разногласий и родительской самооффективности

Для изучения того, связаны ли характеристики поддержки с родительской самооффективностью матери, мы применяли многофакторный регрессионный анализ. Параметры модели представлены в таблице 3.

Мы не обнаружили влияния каких-либо «объективных» характеристик поддержки матери с ребенком на родительскую самооффективность: с уровнем самооффективности статистически значимо не связано ни число людей, сильно помогающих с ребенком, ни то, сколько человек живет вместе с матерью, ни наличие родственников, живущих отдельно, но помогающих матери с ребенком, ни наличие няни/бэбиситтера. Не влияет на самооффективность и общая социальная поддержка, не связанная с ребенком.

Однако мы обнаружили, что на самооффективность негативно влияют разногласия по поводу правил: чем в большей степени матери согласны с тем, что договориться с родственниками о правилах в отношении ребенка сложно, тем ниже их самооффективность*. Это влияние не самое сильное по сравнению с закономерным влиянием депрессии на самооффективность, но статистически значимое (см. табл. 3).

Можно ли сказать, что связь разногласий по поводу правил и родительской самооффективности сильнее в группе матерей, которые придерживаются научно-популярной теории (или теорий) воспитания? Для ответа на этот вопрос мы провели регрессионный анализ с тем же набором независимых переменных на двух подвыборках: 1) респонденты, указавшие как минимум одну книгу, повлиявшую на них как на родителя (N=355), 2) не указавшие ни одной (N=325).

Среди матерей, «приверженных» научно-популярной теории воспитания, самооффективность не связана с наличием разногласий, даже несмотря на то что, как правило, они более выраженные, чем во второй группе матерей. Во второй же группе на самооффективность влияет наличие разногласий.

Чем можно объяснить этот контринтуитивный результат? Несмотря на то что характеристики занятости и возраст детей в этих группах практически не различаются, матери, которые придерживаются какой-либо научно-популяр-

* Наличие разногласий и уровень общей поддержки не скоррелированы или слабо скоррелированы с объемом помощи с ребенком; т.е. незначимое влияние объема помощи с ребенком нельзя объяснить наличием мультиколлинеарности.

Таблица 3

Предикторы общей родительской самооффективности

	Стандарт. коэффициент
Разногласия по поводу правил	-0,12**
Общая социальная поддержка	0,09
Живет ли кто-то кроме мужа (не считая других детей)	0,05
Число человек, которые помогают с ребенком очень сильно (их помощь оценила на 4)	0,01
Есть помогающие родственники, живущие недалеко (базовая категория — нет помогающих родственников)	-0,02
Есть помогающие родственники, живущие далеко (базовая категория та же)	-0,02
Есть няня или бебиситтер	-0,08
Депрессия	-0,46****
Насколько легко ребенок расстраивается из-за ограничения его/ее действий (1 — очень легко, 5 — тяжело)	0,11**
Хорошее/очень хорошее здоровье (базовая категория — «плохое здоровье»)	-0,05
Среднее, не хорошее, но и не плохое (базовая категория — «плохое здоровье»)	0,03
Сколько дома книг для родителей про детей и отношения с ними	0,02
Возраст ребенка, про которого отвечает	-0,02
Есть более старший ребенок, чем тот, про которого отвечает в анкете	0,06
Возраст матери	-0,08
На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности (базовая категория — «Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания / На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать / На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности»)	0,17***
Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги (базовая категория та же)	0,15*
Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля (базовая категория та же)	0,12*
Сколько книг дома	-0,05
Читает ли тексты на иностранном языке	-0,09*
<i>Скорректированный R-квадрат</i>	<i>0,335</i>

*p≤0,1, **p≤0,05, ***p≤0,01, ****p≤0,001

ной теории воспитания, в меньшей степени прибегают к помощи родственников. Они в среднем ниже оценивают объем помощи с ребенком со стороны своих родителей: среди них 22 % (по сравнению с 31 % во второй группе) отмечают, что их мать очень помогает им с ребенком, 52 % (против 39 %) говорят, что их отец не помогает или почти не помогает с ребенком. Таким образом, они меньше контактируют с родственниками по поводу ребенка и чаще высказывают отличное от них мнение, при этом их родительская эффективность не снижается. Вторая группа мам больше полагается на помощь родственников и больше подвержена влиянию их мнений о своем родительстве.

Как разногласия могут влиять на родительскую самоэффективность?

Как разногласия с родственниками могут влиять на самоэффективность? По итогам наших интервью мы предполагаем, что действует не только механизм, подразумеваемый в теории Бандуры, о том, что критика действий матери вынуждает ее пересмотреть представления о своих родительских компетенциях. В проведенных нами интервью люди отмечали, что их беспокоит то, что окружающие ведут себя с ребенком по-другому, не следуют нужным правилам, не прислушиваются к аргументации и пр. Не всегда эти разногласия предполагают критику действий матери.

Мы также предполагаем, что возможен еще один механизм, вызванный описанными выше особенностями современного родительства — «родительским детерминизмом», гиперответственностью и убежденностью в том, что «неправильное» воспитание может сильно навредить ребенку. Разногласия (нарушение правил окружающими, неуверенность в том, что правила будут соблюдаться, и др.) могут повышать тревожность родителей и тем самым снижать удовлетворенность родительской ролью и уверенность в своих силах. В цитате ниже одна из наших респондентов описывает свои отношения с отцом:

«Были очень болезненные разговоры, я не могла до него никак донести, и сейчас я просто поняла, что это просто бесполезно до него доносить. Потому что я еще со своим психотерапевтом говорила недавно, что у него своя правда и он в своих глазах прав, и пытаться говорить ему, что он не прав совершенно бесполезно <...> и меня немножко тут отпустило, я не пытаюсь ему что-то доказать. Я считаю, нормально, ну они там встречаются, никакого вреда он ему не нанесет. Хорошо, что бабушка есть, какие-то там родственники <...> а раньше это было очень болезненно, потому что это накладывалось на какие-то мои детские переживания, что я не могу до родителей что-то донести. Я начинаю ему что-то говорить, он тут же ставит себе заслон и меня не воспринимает, мне сразу очень обидно я стала все переживать это жутко, мне было очень плохо» (30 лет, один ребенок, 4 года; Москва).

Но необязательно при этом у мам должна быть сформированная система правил воспитания. Например, родители, которые только ищут свой «правильный» путь, избегают «вмешательства» родственников — они считают, что оно мешает «нащупать» им свой путь и обрести на нем уверенность в правильности своих действий:

«Мы не понимаем иногда, что делать с ребенком, как правильно вести, все время приходится нащупывать какие-то правильные пути, чтобы не

навредить. Мы тоже все раненные, покалеченные всякими жизненными ситуациями, мы очень боимся навредить ребенку. И поскольку это каждодневный труд — корректно себя вести как родитель, как взрослый, не как ребенок, который капризничает и истерит, и не наказывать ребенка по любому поводу, а когда вклиниваются взрослые, которые говорят тебе, как надо делать, как раз хочется, чтобы тебе никто не мешал нащупать свою линию поведения и не пытался тебе советовать, как надо делать, ну хочется вот эти шумы лишние просто убрать» (29 лет, один ребенок, 4,5 года; Москва).

Здесь стоит отметить, что связь родительской самоэффективности и степени выраженности разногласий может быть двунаправленной — с одной стороны, разногласия с родственниками могут снижать уверенность матери в своих компетенциях, с другой стороны, уверенность в своих родительских компетенциях, «накопленная», например, при воспитании более старшего ребенка/младшего брата или сестры и т.д. (личный опыт) или при чтении записей на интернет-форумах и в родительских сообществах (чужой опыт), может помочь договориться с помощниками.

Выводы

Мы предполагаем, что особенности современного материнства, такие как респонсибилизация, или перенос всей ответственности за воспитание детей на родителей (в первую очередь на мать), представления об очень важной роли всего, что происходит с ребенком в детстве, и о том, что родители без советов экспертов не могут «правильно» воспитывать или развивать детей, создают новые основания для разногласий с окружающими по поводу воспитания ребенка. При этом в литературе тема взаимодействий родителей с родственниками или другими людьми, участвующими в жизни ребенка, на наш взгляд, освещена скупо.

На основе проведенного нами опроса, во-первых, можно предположить, что разногласия с родственниками нередки. Например, треть опрошенных отметили, что им бывает сложно договориться с родственниками о правилах воспитания и ухода за ребенком. Более того, у матерей, которые придерживаются какой-либо научно-популярной теории воспитания, разногласия с родственниками сильнее, и они в меньшем объеме используют помощь родственников.

Во-вторых, наличие разногласий по поводу правил воспитания и ухода за ребенком связано с уровнем родительской самоэффективности — чем сильнее выражены разногласия, тем ниже уверенность в собственных силах как матери и удовлетворенность материнской ролью.

Такие характеристики помощи, как число людей, которые помогают с ребенком, при этом не связаны статистически значимо с уровнем родительской самоэффективности. Последнее вероятно связано с особенностями выборки: значительную ее часть составляют относительно «благополучные» женщины в терминах имеющихся у них и их семей ресурсов и помощи, на которую они могут рассчитывать (большинство замужем, имеет средний доход, проживает в крупных городах, состоит в интернет-сообществах матерей, где могут общаться и получать поддержку), имеющие высокий уровень образования, знакомые

с литературой про воспитание и уход за ребенком (52 % указали одну или несколько книг, которые повлияли на них как на родителя). Сам факт доступа к помощи родственников в воспитании и уходе за ребенком, вероятно, для этой группы не является критическим, зато требования к помощи могут быть высокими. Можно предположить, что в других группах на самоэффективность могут влиять другие факторы.

Среди вызовов, с которыми сталкиваются пары с детьми, и возможные трудности в продолжении отношений с друзьями после рождения ребенка, и сложности в принятии помощи с ребенком, и поддержание отношений с другими членами семьи в ситуации, когда те ведут себя «неправильно» или «вмешиваются» слишком сильно (с точки зрения родителей). В этом контексте как темы для дальнейшего исследования интересны вопросы о том, как возникают разногласия по поводу детей, какие существуют стратегии их преодоления и как выстраиваются договоренности по поводу правил и практик взаимодействия с ребенком.

Литература

Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М: Институт социологии РАН, 1996.

Забавев И. Рациональность, ответственность, медицина: проблема мотивации деторождения в России в начале XXI в. // Экономическая социология. 2011. № 12 (2). С. 21–48.

Зинченко В., Мещеряков Б. Большой психологический словарь. М: ОЛМА Медиа Групп, 2005.

Индикаторы информационного общества: 2014: Статистический сборник. М: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. Табл. 5.1.4.–5.1.5.

Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro contra. 2010. № 14 (1–2). С. 6–19.

Синявская О., Гладникова Е. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов // Демоскоп Weekly. 2007. № 30. С. 287–288.

Шпаковская Л., Чернова Ж. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. 2. С. 14–26.

Apple R.D. Constructing Mothers: Scientific Motherhood in the Nineteenth and Twentieth Centuries, *Social History of Medicine*, 1995, 8(2), pp. 161–178.

Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change, *Psychological Review*, 1977, 84(2), pp. 191–215.

Brodsky A.E., DeVet K.A. “You have to be real strong”: Parenting goals and strategies of resilient, urban, African American, single mothers, *Journal of Prevention & Intervention in the Community*, 2000, 20(1–2), pp. 159–178.

Coleman P.K., Karraker K.H. Maternal self-efficacy beliefs, competence in parenting, and toddlers’ behavior and developmental status, *Infant Mental Health Journal*, 2003, 24(2), pp. 126–148.

Crnici K.A., Greenberg M.T., Ragozin A.S., Robinson N.M., Basham R.B. Effects of Stress and Social Support on Mothers and Premature and Full-Term Infants, *Child Development*, 2014, 54(1), pp. 209–217.

Козьмина Я.Я., Сивак Е.В. Влияют ли на родительскую самоэффективность...

Donati P. *Famiglia risorsa della società*. Bologna: Il mulino, 2012.

Faircloth C. Intensive Parenting and the Expansion of Parenting, In: *Parenting Culture Studies*, ed. by E. Lee, J. Bristow, Ch. Faircloth and J. Macvarish. L.: Palgrave Macmillan, 2014.

Faircloth C. The Problem of 'Attachment': The 'Detached' Parent, In: *Parenting Culture Studies*, ed. by E. Lee, J. Bristow, Ch. Faircloth and J. Macvarish. L.: Palgrave Macmillan, 2014.

Füredi F. *Paranoid Parenting: Abandon Your Anxieties and be a Good Parent*. L.: Penguin, 2001.

Gross D., Rocissano L., Roncoli M. Maternal confidence during toddlerhood: Comparing preterm and fullterm groups, *Research in Nursing & Health*, 1989, 12(1), pp. 1–9.

Hays S. *The cultural contradictions of motherhood*. New Haven: Yale University Press, 1998.

Hunt A. *Governing Morals: A Social History of Moral Regulation*. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

Johnston C., Mash E.J. A Measure of Parenting Satisfaction and Efficacy, *Journal of Clinical Child Psychology*, 1989, 18(2), pp. 167–175.

Lee E, Bristow J., Faircloth C., Macvarish J. (eds.) *Parenting culture studies*. L.: Palgrave Macmillan, 2014.

Lee E., Macvarish J., Bristow J. Risk, health and parenting culture, *Health, Risk & Society*, 2010, 12(4), pp. 293–300.

Lee E.J. Living with risk in the age of "intensive motherhood": Maternal identity and infant feeding, *Health, Risk & Society*, 2008, 10(5), pp. 467–477.

MacPhee D., Fritz J., Miller-Heyl J. Ethnic Variations in Personal Social Networks and Parenting, *Child Development*, 1996, 67(6), pp. 3278–3295.

Macvarish J. Babies' Brains and Parenting Policy: The 'Insensitive' Mother, In: *Parenting Culture Studies*, ed. by E. Lee, J. Bristow, Ch. Faircloth and J. Macvarish. L.: Palgrave Macmillan, 2014.

Mason J., May V., Clarke L. Being there yet not interfering: the paradoxes of grandparenting, in: *Contemporary Grandparenting: Identities, Choice and Constraint in Global Contexts*, ed. by Sara Arber and Virpi Timonen. Bristol: Policy Press, 2012, pp. 139–158.

Oldroyd D. Grid/Group Analysis for Historians of Science?, *History of Science*, 1986, 24, pp. 145–171.

Shirani F., Henwood K., Coltart C. Meeting the Challenges of Intensive Parenting Culture: Gender, Risk Management and the Moral Parent, *Sociology*, 2011, 46(1), pp. 25–40.

Sun S.H. Grandparenting in the context of care for grandchildren by foreign domestic workers, in: *Contemporary Grandparenting: Identities, Choice and Constraint in Global Contexts*, ed. by S. Arber and V. Timonen. Bristol: Policy Press, 2012, pp. 113–138.

Teti D.M., Gelfand D.M. Behavioral Competence among Mothers of Infants in the First Year: The Mediational Role of Maternal Self-Efficacy, *Child Development*, 1991, 62(5), pp. 918–929.